ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

УДК 94(470)“1812”

ОТСТУПЛЕНИЕ ИЗ РОССИИ: СОЛДАТЫ ВЕЛИКОЙ АРМИИ ВО ВРАЖДЕБНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ПО ПЕРЕХВАЧЕННЫМ ПИСЬМАМ ЧИНОВ АРМИИ НАПОЛЕОНА)

THE RETREAT FROM RUSSIA: THE SOLDIERS OF GREAT ARMY IN HOSTILE SPACE (ACCORDING TO THE INTERCEPTED LETTERS OF RANKS OF NAPOLEON ARMY)

©Постникова А. А.
канд. ист. наук
Уральский государственный педагогический университет
Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург, Россия, alina330787@mail.ru
©Postnikova A.
PhD, Ural State Pedagogical University
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia, alina330787@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа трофейных писем французских солдат 1812 г. рассматриваются проблемы сохранения военной чести и морального духа армии Наполеона в период отступления из России. Автор показывает, что моральное состояние армии в письмах ее солдат проявлялось как естественная реакция на их бедственное положение. Это состояние находило разные формы выражения: как сострадание к боевым товарищам, как переживания о Родине, семье, как обращение к героическому прошлому. Автор приходит к выводу о том, что все это духовно помогло французам выдержать отступление и сохранить нравственное достоинство армии.

Abstract. In article on the basis of the analysis of trophy letters French soldiers 1812 considers the problems of preservation of military honor and the moral spirit of Napoleon's army during the retreat from Russia. The author shows that the morale of the army in the letters of its soldiers was manifested as a natural response to their plight. This state was different forms of expression: as compassion to the fighting comrades, as worries about the Homeland, the family, as the appeal to the heroic past. The author comes to the conclusion that all this spiritually helped the French to withstand the retreat and save the moral dignity of the army.

Ключевые слова: Великая армия Наполеона, образ врага, межкультурное взаимодействие, Отечественная война 1812 г., военная честь, моральный дух, личные письма, исторический источник.

Keywords: Great army of Napoleon, image of the enemy, cross–cultural interaction, Patriotic war of 1812, military honor, morale, personal letters, historical source.

В отечественных архивах хранится несколько сот писем французских солдат, перехваченных русской армией во время войны 1812 г. Большая часть этих писем относится к периоду отступления Наполеона из России. Многие из посланий трудно читаемы, нуждаются в огромной подготовительной работе по расшифровке текстов, идентификации адресатов и адресантов, и многому другому. Эта работа, начатая перед Первой мировой войной небольшим коллективом российских и французских специалистов, была затем прервана и возобновляется только сейчас силами немногочисленных энтузиастов. К счастью, в 1913 г. был все же подготовлен и выпущен в свет один том расшифрованных посланий солдат Великой армии Наполеона [9]. Этот том не только дает нам общую картину того, что представляют собой трофейные письма французских солдат, все еще ждущих своего исследователя, но и возможность начать работу по извлечению из этого бесценного материала уникальных сведений об армии Наполеона и событиях Отечественной войны 1812 г. В нашей статье мы попытались сосредоточить внимание на таких трудно уловимых аспектах исторического прошлого, как военная честь и моральный дух солдат армии Наполеона в ходе отступления из России.

Моральный дух Великой армии стал предметом изучения историков достаточно давно, еще в начале XX в., с выходом в свет труда Ж. Морвана «Солдат империи» [10]. С тех пор эта проблема неоднократно становилась предметом изучения и дискуссий. По всей видимости, нравственные принципы, которые были характерны для солдат армии Наполеона, возникают в годы Революции. Именно тогда защита чести нации и война соединяются в сознании французов воедино. Стирание социальных перегородок способствовало синтезу целей войны и интересов солдат. Война, с одной стороны, становится героическим подвигом, а, с другой — перспективной деятельностью с целью обогащения. «В этой большой военной семье вырабатывается безграничное уважение к чести армии», — справедливо отмечал российский историк А. М. Васютинский [1, с. 69].

В течение двадцати лет в сознании солдат Великой армии происходило формирование чувства собственного достоинства и понятия о военной чести. Английский историк Д. Чандлер, рассуждая о нравственных ценностях чинов Великой армии, приходит к выводу: «Военное мужество и личное возвышение в этом — моральная добродетель» [8, p. XLV].

Наполеон не случайно считал, будто во всяком военном предприятии успех на три четверти зависит от данных морального порядка. «…воодушевленные чувством национальной гордости люди не отдавали себе отчета в разных бедствиях», — писал по этому поводу обер–шталмейстер императорского двора А. О. Коленкур [4, с. 391].

В отечественной исторической литературе прочно утвердилось мнение о том, что моральный дух Великой армии во время отступления из России разлагается совершенно. Дореволюционные и советские историки много писали о деморализации французской армии в ходе отступления, о том, что в ее рядах начал доминировать исключительно инстинкт самосохранения [2]. Более противоречивую картину предлагают французские авторы. Так военный теоретик А. Жомини заявлял, что французам удалось сохранить военную честь в период отступления [3, с. 316]. Через несколько лет французский историк А. Тьер отметит эгоизм и самоуверенность французов, которые разлагали армию изнутри, без внешнего воздействия [11, p. 550]. В начале XX в. военный историк А. Лашук предложил более объективно посмотреть на дух Великой армии в период отступления: «Начиная с 1814 г. всякие честолюбцы, льстецы режима, враги императора примутся грязью поливать бывших соратников по оружию. Офицеры и солдаты — не одной породы. Им отвратительна сама мысль оставить

строй…». [5, с. 329]. С тех пор эта традиция рассматривать понятие морального духа не как нечто застывшее, но подверженное переменам и по своей сути весьма сложное понятие, прочно утвердилась в зарубежной литературе.

Великая армия в России столкнулась с весьма неблагоприятными условиями похода, в которых достаточно сложно было сохранить высокий моральный дух. Ухудшение обстановки в период русской кампании истощало моральные и физические силы солдат Великой армии. В письмах, отправляемых из Москвы, появляются возгласы страха, скорби, усталости. Почтовый чиновник, служивший при Великой армии, Итас писал: «Эта дикая страна наводит на меня грусть» [9, p. 109]. В другом письме в тот же день он зафиксировал: «Военные очень устали, надеемся на мир» [9, p. 103]. Мысль о мире особенно волновала уставшую армию. Известный философ, участник Второй мировой войны на стороне Франции Ж. П. Сартр, отметил в своем дневнике о военных буднях: «Всякое отдельное желание является желанием мира» [12, с. 537].

Но эта надежда подкреплялась для французов в 1812 г. еще и существенным аргументом — взятием столицы врага. Как верно отметил Тьер, «французов переполняла гордость за то, что они удержали Москву» [11, p. 554]. Они закрепили свою победу. Исходя из собственных нравственных представлений о законах войн, они и от русских требовали их соблюдения. Именно поэтому французы так были удивлены, что русские продолжают отказываться от подписания мира. Поведение врага, который не желает принять очевидность, убеждало французов в собственном нравственном превосходстве над противником.

Столкновение этих двух разных представлений о войне образно описал Л. Н. Толстой: «Фехтовальщик, требовавший борьбы по правилам искусства, были французы; его противник, бросивший шпагу и поднявший дубину, были русские» [7, с. 92]. Именно эта принципиальная невозможность понять противника и его поведение вызвала среди французов растерянность, а затем панику. Каким образом можно было преодолеть это паническое состояние? Один из наиболее распространенных способов — через проявление военной доблести, демонстрацию морального духа армии.

Генерал Ж. Д. Компан перед выходом из Москвы вспоминает о подвиге его дивизии при взятии Шевардинского редута [9, p. 97]. Воодушевленные победным прошлым Франции и униженные в русскую кампанию, военные демонстрировали в письмах стремление продолжать борьбу до окончательной победы. Б. де Кастеллан, адъютант генерал–адъютанта Л. Нарбонна, после очередной попытки заключить мир написал: «Мы собираемся двигаться вперед» [9, p. 341]. Итас зафиксировал: «Мы пойдем на Калугу» [9, p.103]. Дивизионный генерал Г. Ф. Делаборд, демонстрируя мужество, написал следующие строки жене: «Я счастлив, я скоро начну движение с моей дивизией» [9, p. 104].

И все же в этих словах отсутствует жажда сражений, которая была так характерна для солдат Наполеона. Теперь для них каждое движение было сопряжено с окончанием войны, победный результат был уже не важен. Итас заканчивает письмо следующими словами: «Если в конце концов мы все же вернемся, то я буду счастлив от того, что участвовал в русской кампании» [9, p. 109]. В некоторых случаях вспышки боевой активности можно объяснить ненавистью к врагу, пытающегося унизить честь французов. Дивизионный генерал Р. Ж. Эксельманс напишет в те дни: «Если русские не подпишут мира, они пожалеют об этом» [9, p. 110]. Однако проявление морального духа во имя восстановления чести французской армии не является доминирующей темой писем. Дивизионный генерал А. Жюно 16 октября (*Все*

даты даны по новому стилю) написал сержанту М. Ф. Тино: «Нам хорошо здесь» [9, p. 162]. Но жене 13 октября он признался: «Это действительно трудно, жить в подобных условиях. Все мое счастье в вас» [9, p. 82].

Затянувшийся ужас русской кампании становится личной трагедией каждого. А. Коленкур скорбит по брату: «Я потерял своего брата, моего лучшего друга, время не сотрет такого несчастья» [9, p. 152]. Компан акцентирует внимание в письме на своих личный переживаниях. Большая часть его письма посвящена острым болям после ранения в Бородинском сражении, размышлениям о смерти Огюста Коленкура, брата А. Коленкура.

Соприкосновение со смертью заставило задуматься французов о нравственных ценностях жизни. Капитан А. Ф. Карбонель писал 15 октября из Москвы: «Продолжение войны открыло для меня новый взгляд; увидев людские лишения, я понял необходимость заботиться о человеке» [9, p. 133]. Зрелище войны, немыслимое количество жертв породило страх, доминирование в сознании инстинкта самосохранения. Военный су–интендант Ф. М. Пенжулли–Ларидон писал своей жене: «Все, чего я хочу в свои тридцать лет — это вернуться и отдохнуть» [9, p. 106]. С другой стороны, соприкосновение со смертью вызвало рост фатализма, отказ от переживаний по поводу возможной утраты своей жизни.

Приближение смерти и чувство одиночества тянули французов на Родину, к семье. В каждом письме из Москвы мы можем встретить мечты о возвращении к семейному очагу. Война притупляла чувства любви и сострадания до тех пор, пока она несла с собой ощущения героизма и надежду на поощрения. Не катастрофические условия похода развеивали героическо–романтический ореол войны. Но как было передать французским солдатам передать в письмах гибельность своего положения? Это бы унизело честь, стало бы крахом образа непобедимой Великой армии, ради создания которого они перенесли столько тягот.

Несомненно, каждый надеялся вновь вступить на родную землю героем. Память о былых победах не исчезла бесследно. Воспоминания о Родине, о славе французского оружия вдохновляли солдат, даже в период тяжелейшего отступления. Примеры героизма продолжают встречаться. Су–лейтенант Ш. Э. Сен–Маршан писал о Тарутинской битве: «Я все еще счастлив, несмотря на ожесточенную схватку, которая продолжалась более двух часов» [9, p. 101].

После Малоярославца начинаются самые ужасные мгновения отступления, в условиях которых трудно было сохранять человеческий облик. Внимание авторов писем сосредоточено на печальном положении армии. Аудитор Государственного совета Ф. В. Ж. Биллиоти писал жене 1 ноября из Вязьмы: «Пройдя около 30 миль, ежедневно более или менее тревожимые казаками, и после небольшого сражения, в котором начальствовал король Неаполитанский, и которое окончилось с меньшим успехом, мы внезапно повернули назад. Наше шествие не совсем похоже на шествие победителей. Впрочем, мы не беспокоимся ввиду того, что император совершенно здоров и лично руководит движением армии. Все довольны и исполнены доверия, и никто не жалуется на недостаток во всем» [9, p. 182]. Как видим, заканчивается письмо на вполне оптимистичной ноте. На страницах писем французы пытались разными способами продемонстрировать высокий моральный дух.

Встречаются и такие адресанты, которые рассчитывали на возможность поощрения. Полковник Ш. Э. Оденар писал матери: «Вы, без сомнения, знаете уже о моем несчастии. Но я внесен в список, который будет представлен императору (для назначения генералом). Это утешит меня и вознаградит за убытки, понесенные во время этой несчастной кампании» [9,

p. 229]. Таким образом, несмотря на неблагоприятные условия, солдаты не сосредотачивают внимание на них, а пытались определить смысл дальнейшей борьбы.

Чаще всего в письмах встречаются воспоминания о семье. С мыслью о родном человеке легче было вступать в ожесточенную борьбу с природой, дабы отвоевать право на жизнь. Компан написал из Дорогобужа жене: «Я надеюсь, что настанет время, когда мы будем счастливы вместе» [9, p. 200]. Усталость была характерна даже для энергичного короля Неаполя И. Мюрата. Только перед женой он мог раскрыть свою душу: «…продолжаю льстить себя надеждой иметь возможность обнять тебя нынешней зимой» [9, p. 316].

Борясь с неприятностями отступления, каждый искал для себя положительные стороны этой кампании. Для майора Ж. Монфора счастьем было оставаться служить со своими товарищами: «Мне дано благо двигаться со своей армией» [9, p. 185].

Необходимость сомкнуть ряды, объединить усилия звучит в письмах достаточно часто. Страх за себя, который царит на войне, имеет свойство сменяться страхом за товарищей. «Во всей этой ситуации важно быть лучшим и верным другом», — провозглашает майор Л. М. Летор [9, p. 186].

Страх вызвал воспоминания о победоносном прошлом Франции. Компан пытается абстрагироваться от проблем и вспоминает о героической Итальянской кампании [9, p. 201]. Надежды избавления от всех бед солдаты возлагали на императора. Несмотря на отступление, вера в Наполеона усиливается. Неаполитанский король, который стремился к независимости от императора, вместе с тем признает величие этого человека и говорит о своей привязанности к нему: «Сколь сильно я почувствовал свою любовь к императору. До какой степени он оказался выше всякой случайности. Я удостоверился в правильности предположения о доброте его сердца» [9, p. 308]. Э. Рибо, временный помощник в военном комиссариате, написал 3 ноября: «Яркая звезда императора нам благоволит» [9, p. 192]. С образом императора они связывали надежду вырваться из плена российской действительности.

Смоленск виделся французам «берегом обетованным», где должны были закончиться все их несчастья, и откуда они, восстановив силы, смогут весной двинуться на Петербург. «Всем казалось, — вспоминал А. Коленкур, — что Смоленск означает конец лишений». В дальнейшем солдаты поняли тщетность этих надежд. Для Великой армии сложилась крайне неблагоприятная обстановка. На северо–западе России войска генерал–лейтенанта П. Х. Витгенштейна потеснили корпуса маршалов Ж. К. П. Виктора и Л. Г. Сен–Сира и заняли г. Витебск. На юге вице–адмирал П. В. Чичагов продвигался к Минску. Измученные походом войска, подвергшиеся испытанию отступлением, все же находили моральные силы противостоять сложившимся условиям.

В письмах мы не находим упоминания о создавшейся для Великой армии невыгодной обстановке. Наоборот, в них акцентируется внимание на выгодности позиции в Смоленске в стратегическом и продовольственном плане. Кастеллан 10 ноября зафиксировал: «Я думаю, мы поживем здесь» [9, p. 206]. Только значительно позже он добавит к записи об этом дне в своем дневнике следующие строки: «Наши люди без пищи и отправились в фуражировку за одну милю отсюда; преследуемые казаками они ничего не принесли» [9, p. 220].

Заглушить ужас войны французы пытаются мыслью о начале новой кампании. Э. Рибо, временный помощник в военном комиссариате, писал отцу 9 ноября: «Если не будет достигнут мир, то новая кампания начнется с весны» [9, p. 231]. Маршал Ф. Ж. Лефевр написал 12 ноября: «Мы будем защищаться до последнего вздоха» [9, p. 299]. Судя по письмам, для многих чинов армии было характерно безумное желание выстоять, не проявляя слабости. Генерал–адъютант

Л. Нарбонн подчеркнул в своем письме: «Маршал Ней сказал, что наши солдаты ведут себя храбро» [9, p. 284]. Но было ли это в действительности? Может быть, тем самым они просто хотели оправдать свои поступки?

Военные пытаются найти разные примеры героизма, дабы реабилитировать «моральный дух» армии в глазах французского общества. Кастеллан так передает свое восхищение смелостью маршала Н. Ш. Удино: «Ранение еще дает о себе знать, но он счастлив, что способен сражаться» [9, p. 207]. Предыдущие письма Кастеллана не содержат примеров героизма, но именно в Смоленске он решил об этом упомянуть. Прикомандированный к военным комиссарам А. Бейль (будущий великий писатель Стендаль), судя по письмам до Смоленска, не обращался к воспоминаниям о победах Великой армией. Но 9 ноября он написал: «Передвижение русских на Калужскую дорогу предоставило возможность великолепного сражения, победа нашей армии неизбежна» [9, p. 241]. Лейтенант А. Боно 11 ноября зафиксировал: «Русская армия побеждена» [9, p. 290].

Страх вызвал желание мысленно принизить врага, подчеркнуть свое превосходство. Для французов это уже были просто драки, недостойные подлинной войны и истинных воинов. Капитан артиллерии О. Ларибуазьер так написал о столкновениях с русской армией: «Все это были драки, в которых мы имели явное преимущество» [9, p. 220]. Ларибуазьер подчеркивал, что данная война недостойна французов, их военное мастерство здесь неприменимо. Только жене он смог признаться в истинной причине своих разочарований: «Служба меня мучает. Я не верю, что я смогу принять участие в другой кампании» [9, p. 221].

Некоторые из отступавших понимали, что в случае поражения, им не избежать краха всей наполеоновской Европы, и результаты двадцатилетних войн исчезнут бесследно. Поэтому следовало, как можно более достойно выйти из столь непростой ситуации и тем самым попытаться сохранить результаты многолетних воин. Так думали далеко не все, но многие. И для этой категории солдат война начала приобретать патриотический смысл. П. де Брас, военный комиссар, написал жене: «Это та эпоха, которую мы собираемся упрочить» [9, p. 208]. Скорбь по несчастной судьбе, которая ожидает их Родину, усиливается во время пребывания французов в Смоленске. Они получают новости о заговоре К. Ф. Мале, который, по их мнению, нанес удар в спину несчастной Франции. Маршал Э. А. К. Мортье написал жене так: «На фоне событий в Париже у каждого должно окрепнуть чувство любви и преданности к императору» [9, p. 240]. Отражение данного события в письмах можно встретить довольно часто, из чего следует вывод, что французы были не равнодушны к судьбе Франции. Желание приблизиться к Родине заставляло их терпеть лишения. Все надеялись на возвращение домой.

Размышления о Родине, приближение к ней подкрепляло моральные силы французов. Обер–гофмаршал императорского двора М. Дюрок написал из Смоленска: «Наша усталость уменьшается, так как мы покидаем эту разоренную страну» [9, p. 273]. Генерал Ж. Г. Сент–Шарль пожаловался жене: «Препятствия меня огорчают. Это вызывает во мне отвращение к жизни. Но от службы уклониться невозможно» [9, p. 214]. Генерал Г. Ф. Делаборд обращался к жене: «Я поддерживаю себя мыслью, что наступит более счастливое время» [9, p. 250]. В следующем письме он успокаивает себя надеждой, что судьба армии в руках Наполеона, а «бог охраняет этого великого человека» [9, p. 300]. Жюно признается жене: «Ты должна знать, что я нахожусь в плохих условиях. Источник моих сил — дети и ты» [9, p. 224]. Подвергшись тяжким испытаниям, не все смогли сохранить мужество даже на страницах писем.

Убежденность французов в непобедимости Великой армии стала развеиваться в собственных глазах. Теперь солдат стала объединять потребность во взаимной поддержке и радостная уверенность в том, что они несмотря ни на что — живы. В письмах слышится тревога друг за друга, скорбь по понесенным утратам. Французы искали знакомых, сообщали родственникам о смерти их близких, восхищались мужеством и стойкостью сослуживцев. Компан, описывая ситуацию в Смоленске, смог сказать так: «Я получил подлинные доказательства самоотверженности всех моих людей» [9, p. 201]. Р. А. Б. Дарю, министр–секретарь, описывая состояние армии в Смоленске, отмечал: «…в ужасных обстоятельствах все люди проявляют честь и усердие» [9, p. 239]. Не стоит доверять словам Дарю, сохранение нравственного достоинства было характерно не для всех. В подтверждение данного тезиса можно привести слова маршала Лефевра: «Все должны были бы способствовать успеху, но каждый ожидает заработной платы» [9, p. 243].

Итак, моральный дух армии в письмах ее солдат проявился как естественная реакция на их бедственное положение. Этот дух выступает в разных формах: как сострадание к боевым товарищам, как переживания о Родине, близких, как обращение к героическому прошлому. Все это духовно помогло французам выдержать отступление. Однако жажда сражений, героизма угасла. На фоне ужасной картины войны французы пытались уловить те моменты, которые свидетельствовали о нравственном достоинстве армии. Участник похода, командир 4-го линейного полка Э. Ф. Ж. де Монтескье Фезензак в воспоминаниях заметил: «Как могли не внушать сочувствия и доверия эти храбрые солдаты, которые, несмотря на столь суровые испытания, остались верны своим знаменам и отвага которых, казалось, росла вместе с опасностями и лишениями!» [9, p. 302].

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект РГНФ № 16-18-10041)

Список литературы:

1. Васютинский А. М. Наполеоновский солдат // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 3.
2. Верещагин В. В. Наполеон в России. Тверь, 1993. С. 68–75.
3. Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1844. С. 316.
4. Коленкур А. О. Русская кампания 1812 г.: мемуары французского дипломата. Смоленск, 2004. С. 391.
5. Лашук А. Гвардия Наполеона. М., 2003. С. 329
6. Сартр Ж.П. Дневники странной войны. М., 2003. С. 537.
7. Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1981. Т. 4. С. 92.
8. Chandler D. G. Napoleon’s Marchals. London, P. XLV.
9. Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S. E. M. Goriainow. P., 1913.
10. Morvan J. Le soldat imperial. P., 1904. T. 1–2.
11. Thiers A. Histoire du Consulat et de l’Empire. Bruxelles, 1856. T. 14.
12. Сартр Ж. П. Дневники странной войны. М., 2003. С. 537.

References:

1. Vasyutinskii A. M. Napoleonovskii soldat // Otechestvennaya voina i russkoe obshchestvo. Moscow, 1912. T. 3.
2. Vereshchagin V. V. Napoleon v Rossii. Tver, 1993, pp. 68–75.
3. Zhomini A. Politicheskaya i voennaya zhizn' Napoleona. Saint Petersburg, 1844. P. 316.
4. Kolenkur A. O. Russkaya kampaniya 1812 g.: memuary frantsuzskogo diplomata. Smolensk, 2004. P. 391.
5. Lashuk A. Gvardiya Napoleona. Moscow, 2003. P. 329
6. Sartr Zh.P. Dnevniki strannoi voiny. Moscow, 2003. P. 537.
7. Tolstoi L.N. Voina i mir. Moscow, 1981. v. 4. P. 92.
8. Chandler D. G. Napoleon’s Marchals. London, P. XLV.
9. Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S. E. M. Goriainow. P., 1913.
10. Morvan J. Le soldat imperial. P., 1904. T. 1–2.
11. Thiers A. Histoire du Consulat et de l’Empire. Bruxelles, 1856. T. 14.
12. Sartr Zh. P. Dnevniki strannoi voiny. M., 2003. P. 537.

Работа поступила в редакцию 22.05.2016 г.

Принята к публикации 23.05.2016 г.